

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

# НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИДЕИ “ОГРАНИЧЕННОГО” СУВЕРЕНИТЕТА

© 2008 г. Р. Х. Макуев<sup>1</sup>

В последние два-три года не утихают дискуссии вокруг принципа суверенитета. Обычное течение этих дискуссий прервали два всплеска. Первый пришелся на август 2004 г., когда журнал “Россия в глобальной политике” опубликовал статью Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина “Апология Вестфальской системы”, а второй – на август и сентябрь 2006 г., когда “Российская газета” перепечатала эту статью и опубликовала материалы организованного ею “круглого стола”: “Суверенное государство в условиях глобализации”.

Следует, видимо, сразу напомнить, что для межгосударственных отношений суверенитет – принцип, который является наряду с другими (население, территория, публичная власть, право, налоги, легальное правовое принуждение и др.) важнейшим признаком государства. Все эти признаки, как и суверенитет, переживают трансформирующее воздействие глобализации.

Вполне, казалось бы, понятно, что увлечение бесконечными трансплантациями суверенитета – это риск однажды потерять и суверенитет, и само государство или доиграться до трансформации его в некоего уродливого мутанта. Однако не все так думают. Отсюда и сыплются ограничительные эпитеты в адрес суверенитета типа “формальный”, “реальный”, “полный”, “размытый”, “невостребованный”, “функциональный”, “инклюзивный” и т.п.<sup>2</sup>

Суверенитет в своей богатой истории знал многое. Не случайно в начале XX в. российский ученый В.М. Гессен писал: “Прежде из-за суверенитета воевали короли, теперь о нем спорят профессора. Прежде для того, чтобы отстоять его, не жалели крови, теперь для того, чтобы объяснить его, не жалеют чернил”<sup>3</sup>. Теперь же мы с полным основанием можем констатировать, что чернил и крови действительно не потратили. Вскоре грянули Первая и Вторая мировые войны, а за ними и холодная.... Покоя нет и сегодня. Все больше на-

бирает обороты международный терроризм, несущий ядерную угрозу и справедливо считающийся следствием глобализации. Под флагом борьбы с ним нередко прикрывают иные цели, в том числе и демонстративное нарушение суверенитета конкретного государства.

Классическая концепция суверенитета, как принято считать, принадлежит перу Ж. Бодена, французского философа и юриста XVI в. Квинт-эссенция суверенитета в ней, в частности, выражена словами о том, что “суверенитет есть абсолютная и постоянная власть Государства...”<sup>4</sup>. Таким образом, дается понять, что суверенитет един, неделим и безусловен. Определенный вклад в развитие теории суверенитета внесли Г. Гроций, Ж-Ж Руссо, Г. Гегель, русские юристы. Более сбалансированное международное значение понятию суверенитета было придано на Вестфальской конференции 1648 г., которая завершилась подписанием Вестфальского мира, заложив тем самым юридические основы окончания европейской Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Два договора, заключенные 24 октября 1648 г., и создали на основе принципа суверенитета Вестфальскую систему межгосударственных отношений. Ее смысл состоял в утверждении верховенства, независимости и самостоятельности государства на всей его территории, независимости действий государства в международных отношениях, признании его территориальной целостности и неприкосновенности.

Сущностное содержание понятия суверенитета с тех пор изменениям не подвергалось и не могло подвергаться, не выхолостив его стержневые элементы и положения. Подавляющее большинство ученых и практиков на сегодня сходятся в том, что под суверенитетом государства понимается верховенство и независимость государственной власти внутри своей страны и по отношению к другим государствам<sup>5</sup>. Итак, суверенитет государства, приходим мы к выводу, есть верховен-

<sup>1</sup> Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик Академии военных наук.

<sup>2</sup> Жить по-человечески. Владимир Путин выступил на расширенном заседании Госсовета // Росс. газ. 2008. 9 февр.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008. С. 95–100; Пастухова Н.Б. О многообразии подходов к трактовке и пониманию суверенитета // Гос. и право. 2007. № 12. С. 80.

<sup>3</sup> Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 56

<sup>4</sup> Боден Ж. Какова главная цель хорошо управляемого государства // Антология мировой правовой мысли. В 5-ти т. Т. 2. М., 1999. С. 692.

<sup>5</sup> См.: Перская В.В. Глобализация и государство. М., 2005. С. 118–126; Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006. С. 47–57; Гаджиев К.С. Политическая философия. М., 1999. С. 250–259; Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 553–571.

ство государственной власти на всей территории и невозможность оспаривать ее иными государствами и какими-либо внутренними политическими силами. Формулой суверенитета можно считать **верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене.**

**Юридическая природа** суверенитета нередко умалчивается в пользу политической его составляющей. Политическое его происхождение очевидно, но неоспоримо и то, что понятие суверенитета нормативно закреплено Вестфальскими договорами, подтверждено Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, Уставом и Конвенциями ООН и Совета Европы и иными актами международных и региональных организаций. Суверенитет есть результат национальных и межгосударственных правовых предписаний, что отражено в конституциях большинства государств, например, в ст. 3 и 4 Конституции Российской Федерации, ст. 2–4 Конституции Французской республики, ст. 1–2 Конституции Испании, ст. 20 Основного закона ФРГ, п. 1 ст. 1–5, п. 7 ст. 1–40 Конституции ЕС, п. 7 ст. 2, ст. 4, п. 3 ст. 43, ст. 51, 110 и в других соответствующих статьях Устава ООН. Правовую природу суверенитета наиболее точно и убедительно выражают слова В.Д. Зорькина, сказанные им в итоговой части дискуссии. “Я уже говорил, – подчеркнул он, – о демократии и суверенитете как о юридически должном, как общепризнанных принципах международно-правового миропорядка и одновременно как основополагающих принципах конституционно-правового строя России...”<sup>6</sup>. Вызовы глобализации, как не раз убедимся, усиливают значение правовой стороны суверенитета. Ни одна самая увлекательная или практически значимая идея, окантованная блеском самых убедительных понятий, не может материализоваться, пока не получит нормативно-правовое признание.

С полным основанием можно сказать, что суверенитет государства – это цельное универсальное правовое понятие, которое отражает согласованный интерес государств строить взаимоотношения, исходя из принципа суверенитета, который получил подтверждение в соответствующих международных и внутригосударственных правовых актах.

Говоря о юридической природе суверенитета, логично вспомнить правовые меры по его защите, хотя они и не отличаются системностью. Так, многие решения Конституционного Суда РФ направлены на защиту суверенитета или связаны с ним. То же самое следует сказать об отраслевом

законодательстве, предусматривающем ответственность за различные правонарушения. Есть основание предположить, что их родовая принадлежность определена недостаточно точно. Таких статей, например, в Уголовном кодексе, набирается более семнадцати. Для убедительности, рассмотрим отдельные из них. Так, ст. 322 “Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации” и ст. 323 “Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации” отнесены к гл. 32 “Преступления против порядка управления”. Однако нам представляется, что лица, совершившие подобные деяния, покушаются не столько на управление, сколько на суверенитет. То же самое можно сказать и о ст. 278 “Насильственный захват власти или насильственное удержание власти”, ст. 279 “Вооруженный мятеж”, ст. 353 “Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны” и др.

Даже выборочный анализ норм конституционного, уголовного и административного законодательства дает основания, чтобы говорить о необходимости пересмотра родовой принадлежности отдельных правонарушений и отнесении их к правонарушениям против государственного суверенитета, а следовательно, и о необходимости предусмотреть, по крайней мере, в уголовном кодексе главу с таким названием.

**Эволюция содержания суверенитета** – вполне диалектический процесс. Однако сказанное не означает коренное изменение или видоизменение самого понятия. Сущность суверенитета не меняется, так же как и основополагающие характеристики государства, демократии или личности. Меняются глубина его понимания, фон качественных характеристик, опосредованно воздействующих на него внутренних и внешних условий.

Идею размывания суверенитета такие известные западные публицисты как С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др. обосновывают конструированием концепций стержневого государства, универсального и однородного государства, ускорением перемен в мире информации и других. Высказывания о “закате суверенитета”, хотя и в робкой форме, в заслуживающих уважения научных публикациях подхватывают и наши ученые, заявляя, что главным следствием глобализации является “значительное ослабление государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса”<sup>7</sup>. Наверное, все-таки не в ослаблении или трансформации суверенитета унитарного или федеративного государства дело, а в негодности привычных, но устаревших и контрпродуктивных методах реализации его функций. Более того, в

<sup>6</sup> Суверенное государство в условиях глобализации // Росс. газ. 2006. 6 сент.

<sup>7</sup> Глобализация и федерализм // Гос. и право. 2007. № 7. С. 5.

неспособности государственной системы управления к эффективной динамичной реакции на вызовы глобализации начала XXI в.<sup>8</sup> Конечно же, само стремление найти научно обоснованные направления модификации федерализма актуально и востребовано современностью во имя будущего<sup>9</sup>, однако это уже другая тема. Все эти теоретические модели коренного изменения принципов государства так или иначе воспринимаются как начало его конца и, надо прямо сказать, направлены на кодирование человеческого сознания в таком ключе.

Нельзя, однако, забывать, что, хотя государство имеет тысячелетнюю историю, потенциал свой оно еще далеко не истратило. Чтобы государство окончательно исчезло, необходимы, как минимум, следующие условия. Прежде всего высокий уровень общей и правовой культуры, предопределяющий слияние профессионального правосознания и правосознания населения, осуществление правового регулирования и реализации права исключительно на нравственных началах. Любое государствообразующее общество должно уверовать в свою внутреннюю и внешнюю безопасность. Однако продвижение к этому – процесс отнюдь не десятилетний. До отмирания государства еще далеко, свои возможности оно не исчерпало и исчерпает их, видимо, лишь в постглобалистский период.

Процесс образования различных цивилизаций, соединенных в единое многополярное мировое сообщество, особой опасности для государства не представляет. Более того, такие глобальные перемены способствуют совершенствованию государства, все более подчиняя его интересам цивилизованного общества, озабоченного благополучием каждого своего члена. Отсюда мы вправе сказать, что в условиях глобализации не наблюдается тенденции к возникновению “сетевого государства” и тем более к его распаду. В новых условиях усилятся сетевые связи между государствами и активизируются вызовы, адресованные государству и требующие от него более эффективного функционирования. Государство же без суверенитета на это не способно.

Несомненно, по мере развития общества и отдельной личности расширяются и углубляются представления человека о суверенитете, обнаруживая какие-то новые окраски. Но не меняется, подчеркнем еще раз, сама сущность суверените-

та. Он либо есть, либо его нет. Если его качества претерпели коренные изменения, то это уже не суверенитет. В таком случае на смену суверенитету приходит нечто другое, которое должно иметь свое название. То же самое можно сказать о государстве. Если, например, признать, что у современного государства нет суверенитета, да и территория условна, то это уже не государство, а земля, на которой компактно проживает и перемещается население без понятия Родины, Отечества. Те, кто ведет подкоп под суверенитет, реализует лишь задачу первого порядка, конечная цель которой – ослабление и развал государства в пользу сетевой кооперации.

В мифе о быстрейшем исчезновении государств заинтересованы те, кто уже давно пересмотрел человеческие ценности, архитектуру миропорядка и стремится построить как можно скорее собственное благополучие на развалинах других государств мировой цивилизации. Не случайно США к концу XX в. открыто отказались от концепции “ограниченного суверенитета” и провозгласили себя лидерами, наделенными особыми правами. И правильно сделали: “ограниченный суверенитет” не работает в условиях глобализации, он ослабляет даже сильное государство.

**Факторы, воздействующие на суверенитет,** многообразны, сложны и системны. Фактически их можно назвать массированными носителями вызовов глобализации современным государствам. Их, этих вызовов, чрезмерно много<sup>10</sup>. Подсчеты бессмысленны и не нужны, однако основополагающие из них вполне поддаются классификации на негативные и позитивные. Пользуясь случаем, надо сказать, что намеренно или случайно антиглобалисты строят свою идеологию, опираясь лишь на негативные свойства современного естественно-исторического этапа развития человечества. В этом ее однобокость, близорукость и бесполезность.

Многими в этих условиях овладели растерянность, пессимизм, а другими – мания к мировому господству и агрессивность. Отсюда религиозный экстремизм, “десуверенизация” других государств и “экспорт демократии”. Надо сказать, что Запад глобализм начал изучать еще в 60-х годах прошлого века. Отсюда теории “Стадии экономического роста” У. Ростоу, “конвергенции, деидеологизации постиндустриального общества” Д. Бэлла и др. Поэтому на Западе, и в первую очередь в США, осознали грандиозность и эпохаль-

<sup>8</sup> Жить по-человечески. Владимир Путин выступил на расширенном заседании Госсовета.

<sup>9</sup> Глобализация и федерализм. С. 5–16; Конюхова И.Д. Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы совершенствования // Гос. и право. 2007. № 2. С. 37–45; Князев С.Д. Российский электоральный федерализм: конституционно-правовое содержание и проблемы реализации // Гос. и право. 2008. № 1. С. 23–29.

<sup>10</sup> См.: Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. М., 2001. С. 46–116, 224–275; Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М., 2004. С. 184–228; Биндюков Н.Г. Глобализация и Россия: парадигма, социально-политический аспект отражения левых сил. М., 2004. С. 3–44, 82–173; Макуев Р.Х. Современная глобализация: вызовы и трансформации. Орел, 2006. С. 31–70.

ность процесса глобализации, с учетом которого выстроили свою довольно циничную, но весьма прагматичную парадигму миропорядка в условиях глобализации, о которой более полное представление можно получить из книг У. Черчилля и З. Бжезинского<sup>11</sup>. В одном из разделов данной парадигмы – “великой шахматной доски”, т.е. нового миропорядка – отводится немало места демократии и суверенитету. Им придается особое значение. В книгах З. Бжезинского так и мелькают названия глав: “Демократический плацдарм”, “Дилеммы гегемонистской демократии”. Не отстанут от него и другие известные авторы<sup>12</sup>.

Рассматривая связь суверенитета с демократией, мы не станем анализировать бесчисленное число ее определений и суждений о ней. Будем исходить из презумпции узнавания и признания читателем основных положений демократии, демократического режима.

Одним из важнейших принципов демократии считается и равноправие, и гарантированная защищенность прав и свобод человека. Уже говорилось о том, что западные демократии с наибольшим успехом использовали раньше и активно продолжают использовать сейчас права и свободы человека в политических интересах как “мину замедленного действия” против других государств. В своих собственных меркантильных интересах они манипулируют правами и свободами как некими инструментами, с помощью которых ими подрывается целостность одних государств, уничтожаются другие, приводятся в покорность третьи. И достигается это довольно недемократическими методами. Об угрозе демократическим ценностям США говорят сами встревоженные американцы и их друзья. Они задают вопрос: “...не затмевает ли ее (американская) гегемонистская роль, особенно после 11 сентября, внутренние демократические устои?.. не приведет ли вполне понятная острая реакция США к пересмотру традиционного, очень тонкого баланса между индивидуальными свободами и национальной безопасностью”<sup>13</sup>. Известный американский политолог М. Паренти прямо подчеркивает: “При всех строго секретных операциях, отмывании денег, торговле наркотиками и часто незаконном использовании жесто-

кости “государство национальной безопасности недалеко ушло от организаторов преступности”<sup>14</sup>.

Безусловно, западные ученые и наши западники не выступают грубыми ниспровергателями государств, демократий и суверенитетов. Но почему-то неоспоримый факт изменения композиции миропорядка и трансформацию социально-политических систем в условиях глобализации воспринимают как заявку на крах государственного суверенитета и неизбежное появление мирового правительства во имя преодоления “трагедии разделенного мира” и т.д.

Все это синтезируется в теоретическую посылку о необходимости в условиях глобализации проводить активную “десуверенизацию” путем распространения демократии в интересах транснациональной солидарности. Кому какое место в этой демократической солидарности отводится – секрета не делается. Об этом мы узнаем из классификации, проводимой сторонниками глобального лидерства США, которые делят государства мира на развитые, догоняющие и обреченные на отставание.

Предлагается отказаться от суверенитета как от рудиментарного остатка, нарушающего права человека и ограничивающего его свободы. В то же время мы видим, как страны НАТО увеличивают пределы действия своего суверенитета, во имя этого устраивают недемократический экспорт демократии в другие страны. Но следовало бы помнить, что во взаимосвязанном мире не могут существовать государства с “диффузным” или “избыточным” суверенитетом. Безусловно, демократия и суверенитет – это взаимосвязанные понятия, поэтому именно нелогично и даже преступно использование демократии в недемократическом нарушении суверенитета других государств.

Вопрос о взаимосвязи демократии и суверенитета мы рассмотрели лишь для того, чтобы показать теоретическую беспомощность и юридическую необоснованность использования демократии для покушения на суверенитет государства. И еще, неверно и несамодостаточно утверждение о том, что “есть государства, которым не нужен суверенитет и они этого не скрывают”<sup>15</sup>. Вряд ли найдутся такие государства (даже Сан-Марино), которые стремились бы избавиться от суверенитета. По крайней мере, мировой практике де-юре такой факт не известен. Не следует забывать юридическую природу суверенитета. Другое дело, конечно, что есть государства, которые отстаивают свой суверенитет различными усилиями и

<sup>11</sup> См.: Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. С. 744–766; Бжезинский З. Большой провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. Нью-Йорк, 1989. С. 189–242; *Его же*. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 11–73, 181–254.

<sup>12</sup> См.: Зиновьев А.А. Запад. М., 2003. С. 187–199; *Его же*. Русская трагедия. М., 2005. С. 435–450; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 512–530; Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М., 2005. С. 50–58.

<sup>13</sup> Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. С. 260.

<sup>14</sup> Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма / Пер. с англ. М., 2006. С. 190–191.

<sup>15</sup> См.: Росс. газ. 2006. 6 сент.

способами. Не исключается в этих целях и использование помощи других государств, сообществ или международных и региональных организаций. Та политико-территориальная организация, для которой не характерен суверенитет, не есть государство. Понятие суверенитета меняет свой облик, но не сущность.

**Суверенитеты федеративного государства и унитарного государства** не отличаются в своей основе, но первый имеет более сложную историю и нелегкую перспективу. В условиях перестройки миропорядка с опасностью распада эпизодически сталкивается и Российская Федерация. И не без помощи определенных оппонентов, заинтересованных в “сплошной демократизации” нашей страны, завершение которой не исключает “неспровоцированный” отход отдельных наших территорий. О чем, если не об этом говорят умозаключения автора “Великой шахматной доски”: “Россия несет ответственность за крупнейшую в мире долю недвижимости. Эта доля охватывает 10 часовых поясов, и ее размеры в 2 раза превышают площадь США или Китая, перекрывая в этом отношении даже расширенную Европу. Следовательно, потеря территории не является главной проблемой для России”<sup>16</sup>. И делается вывод, что “для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы”<sup>17</sup>. Мы согласны с необходимостью модернизации нашего общества, поэтому в России и проводятся реформы, но отнюдь не для того, чтобы терять свои территории, а вместе с ними и государственный суверенитет.

Выше уже было сказано о внешней и внутренней составляющих содержания суверенитета. Для федеративного государства обеспечение их сбалансированного соотношения всегда было затруднительно. В условиях глобализации и особенно в результате активизации центробежных сил после распада СССР, для Российской Федерации угроза вспышки цепной реакции распада до 2000 г. не была мифической. Тому подтверждение – спровоцированный в 90-х годах прошлого века парад суверенитетов и президентов, трагические события в Чеченской Республике, Буденновске, Бислане, Москве, Волгодонске, последние события в российско-грузинских отношениях. Так что дискуссия вокруг суверенитета не случайна. Мы вполне осознаем, как отметил, завершая дискуссию В.Д. Зорькин, что “если мы будем отрицать государственный суверенитет как меру должного, как юридический принцип современ-

ного миропорядка, тогда судьбу России будут решать не в ней самой, а извне”<sup>18</sup>.

В вопросе о суверенитете, во-первых, сказывается отсутствие добротной концепции российского федерализма или хотя бы программы. Вместо этого мы видим какие-то ходы, порой в конституционном отношении не продуманные и даже сомнительные, дающие основание говорить о стремлении избавиться от национальных субъектов или “запрятать” их. Хотя, конечно, такую цель никто не преследует, но определенный повод для таких разговоров создан отказом от прозрачности и должного разъяснения принимаемых решений. Вот здесь демократия и должна была работать. Во-вторых, положение усугубляется тем, что подбрасываются различные идеи о симметричной, ассиметричной кооперативной федерации с делегированным и не делегированным суверенитетами<sup>19</sup>. В связи с этим, выскажемся в нескольких словах о суверенитете федеративного государства.

Суверенитет федеративного государства вообще ничем не отличается от унитарного ни по определению, ни по природе. В основном дискуссия возникает вокруг вопроса о том, делегируют или не делегируют субъекты часть своего суверенитета федерации. Если делегирует, то сколько и в каком измерении. Либо этот процесс идет в обратном порядке? Можно гипотетически допустить, что делегированный федерализм отражает особенности образования союзной федерации, когда полномочия центральной власти определяются государствами, объединяющимися в союз. Второму виду федерализма характерна передача центром определенного объема государственной власти территориям (субъектам) с учетом их обоюдных интересов. Вокруг этого велось очень много разговоров. Можно, например, прочитать и такое: “Реальный суверенитет России существенно уменьшился к концу 90-х гг.”<sup>20</sup>. Ну как здесь не спросить: на сколько тонн уменьшился? А если серьезно, то “уменьшился” не суверенитет, а ослабло в свое время конституционное отношение к нему!

Если федеративное государство образуют несколько государств, то каждое из них уступает свой суверенитет возникающей федерации. Все эти суверенитеты сливаются в единый суверенитет федеративного государства. При развитии федерации на основе различных территорий – поселений, не обретших статуса государства, также результат аналогичен. Территории-субъекты на-

<sup>18</sup> Цит. по: Суверенное государство в условиях глобализации // Росс. газ. 2006. 6 сент.

<sup>19</sup> См.: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 28–43.

<sup>20</sup> Кокошин А.А. Указ. соч. С. 66.

<sup>16</sup> Бжезинский З. Великая шахматная доска. С. 239.

<sup>17</sup> Там же.

деляются полномочиями, а государство, которое они создали, приобретает суверенитет.

На таком принципе возникли и развиваются фактически все федеративные государства (РФ, США, Бельгия, Бразилия, Мексика, ФРГ и др.). В Конституции Российской Федерации в ст. 4 прямо указано: “Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию”. И это правильно, учитывая историко-политические уроки в развитии российской государственности. Статьи 71–73 на основе предметов ведения показывают, кто наделен суверенитетом, а кто – вытекающими из него полномочиями.

Соединенные Штаты Америки возникли на принципе одного суверенитета. “Согласно Конституции, – пишет американский проф. Р. Ремонд, – штаты отказались “от своего суверенитета в пользу федерального правительства”<sup>21</sup>.

Итак, на основе сказанного, важно подчеркнуть, что в федеративном государстве субъекты суверенитетом не обладают и в этом не нуждаются, ибо вошли в единое суверенное государство, чтобы успешно решать задачи, связанные с достижением интересов экономического, культурного, социально-политического, правового развития и обеспечения достойной жизни людям. Провозглашенный более 10 лет назад курс на развитие регионов во имя процветания всей нашей Федерации имеет историческую, юридическую и научную основу. Она вытекает из смысла и назначения федеративного государства, ибо суверенитет имеет экономические, политические, юридические, исторические и духовные предпосылки.

**Суверенитет оказался на гребне** потока вызовов глобализации не случайно. Экономические и политические интересы государств привели к необходимости более активной и адекватной реакции на массированные вызовы глобализации в интегрированных рыночных, информационных, энергетических, правовых пространствах. В такой жесткой конкуренции возникает соблазн устранить конкурента, разрушив различными способами (опыт, как знаем, имеется) отдельные государства. Суверенитет и является тем нервом государства, убрав который, можно обрушить всю государственную конструкцию. Затем не составит особого труда превратить это государство в некую аморфную политическую ассоциацию “универсального сетевого государства” и открыть ее просторы транснациональным корпорациям (ТНК) и потоку сомнительного капитала.

Осмысление суверенитета в условиях глобализации позволяет также сказать, что речь идет не столько о “диффузии” суверенитета, сколько о коренных новых условиях, в которые поставлены

государство и его суверенитет. Они потребовали обновления подходов к оценке угроз суверенитету и методического арсенала действий в его защиту. Например, практика “непризнания государственных границ” во взаимоотношениях транснациональных компаний (массового перемещения товаров, сырьевых и трудовых ресурсов, банковского капитала и т.д.) раньше считалась бы грубым нарушением суверенитета, сегодня же эти факты воспринимаются немного иначе. В ней, действительно, мало оснований для усмотрения нарушения суверенитета, если государство активно контролирует эти процессы и влияет на них, воздействуя на рыночные отношения правовыми, экономическими, финансовыми, судебными, административными и иными методами. Скромные достижения в задержании на границе уплывающих ежегодно из страны десятков миллиардов долларов и иных богатств, как и в ограничении наркобизнеса с его криминальными капиталами, никак не объясняются “слабостью суверенитета”. В данном случае вполне правомерно ставить вопрос о причинах неэффективной деятельности соответствующих служб. Наверное, небесполезно складывается впечатление: а не вздумалось ли кому-то шумихой вокруг суверенитета и национальной идеи отвлечь людей от реализации президентских программ, укрепления правопорядка и законности, борьбы с коррупцией и от других жгучих проблем.

Определенное беспокойство представляют некоторые внутренние “патриотические” силы, отдельные амбициозные политики, готовые превратить дискуссию вокруг суверенитета в некое политическое шоу. Ведь наряду с интересными высказываниями в процессе обмена мнением, отдельные участники “круглого стола” демонстрировали политизированный пафос, заявляя, например, что неправительственные организации и гражданское общество все активнее замещают государство<sup>22</sup>, или решая “вопрос в том, сможет ли предмет наших дискуссий действительно стать национальной идеей и платформой для общественного консенсуса”<sup>23</sup>. Российское общество, насколько нам известно, уже почти переболело суверенитетами и консенсус найден в пользу государственности.

Суверенитет государства слишком фундаментален, чтобы быть предметом мелких политических комбинаций. Стоит обратить внимание на то, что ни в США, ни во Франции, ни в Японии, ни в других “примерных” западных странах в политических баталиях, тем более в избирательных кампаниях, не трогают суверенитет своей страны

<sup>21</sup> Ремонд Р. История Соединенных Штатов Америки / Пер. с англ. М., 2006. С. 42–43.

<sup>22</sup> Просто невозможно не сказать, что гражданское общество не замещает государство, а избавляет его от несвойственных ему дел.

<sup>23</sup> См.: Росс. газ. 2006. 6 сент.

или иные фундаментальные ценности. Не следует этого делать и нам. Надо работать на благо своей страны и помнить слова все того же У. Черчилля: “Я сторонник целесообразных мер, продиктованных моментом. Я хотел бы видеть своих современников обеспеченными и более счастливыми... Но я ни за что не пожертвую счастьем моего поколения ради принципов, пусть самых благородных, и ради истины пусть самой высокой”<sup>24</sup>. Сказанное напоминает о том, что идеи, концепции должны служить людям. Никто не должен быть принесен в жертву призрачным идеям. Не следует спешить форсировать события провозглашением в популистских целях еще одной очередной “всемирного масштаба” российской идеи, недостаточно ведая о ее последствиях для судьбы народа и суверенитета своего государства.

Стержневые основы российской национальной идеи хорошо известны. Ими являются прежде всего благоразумие, признание общечеловеческих ценностей, любовь к близким, ко всем тем, с кем живешь и работаешь, верность своей Родине и гордость, что как гражданин, можешь стать под

ее флаг. Ничего пафосного тут нет. Так думают фактически во всех цивилизованных странах.

И самое главное, стержневым и продуктивным для каждого русского человека является понимание и принятие исторической обусловленности совместного развития народов различных национальностей и религий в демократической, суверенной и успешной Российской Федерации, ставшей уникальной цивилизацией в системе иных мировых государств-цивилизаций. И, думаю, условия глобализации, посылая вызовы с трудными ответами, не дают в XXI в. достаточных оснований прогнозировать крушение суверенных государств или появление мирового правительства.

Не беру на себя смелость дать волю научному воображению по поводу постглобалистского будущего государств в эпоху нанотехнологий и световых скоростей. Но уверен: прогнозируемые перспективы человечества сориентированы не на “исчезновение цивилизаций” или государств, а на новый их цивилизационный прорыв, чья структурно-функциональная модель достигнет своего композиционного завершения именно усилиями суверенных государств.

<sup>24</sup> Цит. по: Шлезингер А.М. Циклы американской истории / Пер. с англ. М., 1992. С. 618.